

Ребекка Левитант – ловец прекрасного в этом мире. Она путешествует, по городам и странам, бродит по музеям, и всё это находит отражение в стихах, преломляясь в её метафорическом сознании поэта. У неё тихий, но хорошо различимый голос. Доверительная повествовательная интонация, точно соответствующая тому, что она переживает в этот конкретный момент.

Д. Ч.

ФЛОРЕНЦИЯ

Жизнь, что лежит предо мною намного короче,
той, позади остающейся и неизвестной.
Но перед взором взмывает собор Санта Кроче
музыкой камня, Давидовой сладостной песней.

Вот у подножья встречает задумчивый Данте,
в храме покоится с миром создатель Давида.
Стать хоть немного причастными этим гигантам
сможем ли мы, человечки, природы подвиды?

Всё в безвозвратность уносит спокойная Арно,
но нерушимо над нею взнесён Понте Веккьо.
Не исчезай, человечек, из жизни бездарно,
не закрывай равнодушно тяжёлые веки.

Купол, как женскую грудь, изваял Брунеллески,
зарифмовал навека его с башнею Джотто.
Невероятные точные яркие фрески
дарит Мазаччо, чтоб знали мы важное что-то.

Не Донателло ли автор прекрасного тела
той, что сейчас на глазах так смакует джелато?
Вновь Боттичелли рисует нагую Венеру –
вечно Флоренция, как primavera, мила ты.

Камни твои излучают тепла бесконечность,
в них было вложено столько любви и старанья.
Ты пораженья забыла и всю бессердечность
горя, коварства, убийства, чумы и страданья.

Веру в прекрасное здесь охраняет Уффици,
в лучшее веру вовек исповедует Дуомо.
В город любимый лечу перелетною птицей –
стал он давно мне дороже родимого дома.

ВЕНЕЦИАНСКАЯ СКАЗКА

На острове, сгинувшем прочь, это как бы нигде,
Венеция топчется в едкой солёной воде,
стоит и качается – ритм её пьян, но красив –
стоит, провожая отлив и встречая прилив.

Дворцы так легки, словно сделаны все из стекла,
вода в них вливалась, как время, струилась, текла,
и чем эти стены полны и какие там сны
плывут в ожидании новой солёной волны.

И я там была, и мне купол сиял золотой
собора Сан-Марко, и плавал над городом зной.
Каналы чернели от страстного блеска гондол,
рассудок, как лёгкая барка, отчалил, ушёл.

Хотелось беспочвенной яркой любви роковой,
хотелось в зелёную воду нырнуть с головой
и выловить трепет, отвагу и бурную страсть,
чтоб не было страшно увлечься, погибнуть, пропасть.

И так захотелось признаний с надрывом и слёз
и веры наивной в реальность причудливых грёз,
чтоб хлынул на улицы узкие твой маскарад,
и каждый бы стал кем хотел без борьбы и утрат.

И там, среди веселья, мелькал бы таинственный плащ,
а в нём Казанова – изыскан, уверен, блестящ.
Мне тоже дарила Венеция маску, венец.
Как жаль! – этой сказке, уввы, наступает конец.

И я возвращаюсь в рассудочный, строгий Нью-Йорк,
но долго качает меня и дурманит восторг,
и тут, за окном, где на улице шум и аврал,
мне чудится: плещет Большой Венецейский Канал.

Я дую на воду, сушу и стужу свою кровь,
я чту твою почву, Нью-Йорк, и надежный твой кров.
Ты смотришь на нас свысока, гордый мой исполин,
так знай же, что болен влюблённый и неисцелим.

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО

В поисках отдыха, редкой невиданной сказки
летом уплыли на север, на холод Аляски,
в царство унынья, плохой и дождливой погоды,
с пылу и с жару в медвежьи лапы природы.

Судно штормило, то качка терзала, то тряска,
горы мрачнели, линяли их тусклые краски.
Лишь ледники, не теряя цвета голубые,
глыбы роняли свои и в пучинах губили.

Зря я ждала от Аляски какой-либо ласки.
Эта поездка не отдых – сплошное фиаско.
Край сей для неженок слишком устроен сурово,
не попадает зуб на зуб. Замёрзшее слово

трудно становится в ряд и с большою опаской,
будто о ссылках и каторгах слышит подсказку.
Пусть себе мирно вдоль речек гуляют медведи –
чудится в этом глухой отголосок трагедий.

Реют орлы, пожирают медведи лососей,
но из холодного лета мне в теплую осень
хочется очень... Не жди, отпускай же, Аляска!
Знаешь сама ты, что вряд ли способна на ласку.

* * *

Не надобна больше Аляска,
теперь поплывут на Бермуды.
Сомнительна прошлая сказка,
заманчиво новое чудо.

От серой рутины и прозы
уносит корабль на остров,
где нежен песочек и розов,
вода бирюзовая просто.

Стюарды им стелят постели,
готовят и завтрак, и ужин.
Цвет домиков, мягкий, пастельный,
подобно снотворному служит.

Но, видимо, твой треугольник,
Бермуда, зловещ и коварен,
отравой паров алкогольных
был муж к барной стойке приварен.

И снова качается судно,
и муж, как бессмысленный овощ.
Так, значит, Бермудское чудо,
таких ты рождаешь чудовищ?

И пьяно оно и нестойко,
и мерзким разит перегаром.
Жена! Ты крепись. Ты же – стоик.
Воспользуйся творческим даром.

* * *

Сан-Франциско, Сан-Франциско,
до тебя лететь не близко.
На твою взбираться гору
альпинистам только впору.

Я в твоём тумане ёжик,
у меня не хватит ножек
обежать твои районы.

Я улиткою на склоне
наподобие трамвая,
подползая, застываю.

Медленно тащу свой домик,
полон он головоломок,
от которых мне не скрыться
ни в какую заграницу.

От себя не скрыть в тумане
пламя тайного романа.

Как же мне решить задачу
без истерики и плача,
без ударной дозы виски?

Как понять: любви без риска
не бывает, не бывает,
такова её кривая.

Никаких в любви гарантий.
Если вправду ты романтик,
выноси горящий домик
и, возможно, тонкий томик
строчек о любви спасешь ты.

Их отправь высокой почтой
из тумана Сан-Франциско,
чтоб не опускаться низко...

до постыдной злой разборки
в людном суетном Нью-Йорке.

СКАЗКА О КОРАБЛЕ

Что это?... Призрак... Сон...
Корабль в двадцать палуб
был, словно пух, несом
прочь от нитья и жалоб.

Он уплывал в лазурь,
насквозь пронизан светом,

не опасаясь бурь
великолепным летом.

От суеты спасён,
от занятости делом,
приподнят, невесом
плыл облаком он белым.

Сиял, мечтаний полн,
в лучах перед закатом,
едва касаясь волн
нежнейшею токкатой.

Он весил тыщу тонн,
но, как пушинка, лёгок.
От яви отрешён
его воздушный облик.

Лишь с берега корабль –
волшебное виденье.
Боготворишь, как раб,
вдали его явление.

На деле ж там – толпа –
семь тысяч пассажиров –
прожорлива, глупа
семь дней бесилась с жиру.

Я тоже там была,
пила свой мёд немало.
Сласть по губам текла,
да в рот не попадала.

* * *

Бывает так, что начнётся с обломков
желанное чудо подчас.
Кораблекрушение в страшных потёмках
откроет неожиданный запас.

Уткнувшись в необитаемый остров,
разрушились корабли.

Их заново выстроить было не просто,
чтоб путь продолжать смогли.

Но все ж из руин поднялись фрегаты,
им ветер дул в паруса.
На острове том они стали крылаты,
хранили их небеса.

С тех пор потянулись на остров люди,
бросали здесь якоря,
об острове этом, словно о чуде,
преданья слагали не зря.

ПАРИЖ

О чём расскажешь мне, Париж?
О чём со мной поговоришь?
Жеманен нежный твой язык,
вниманьем избалован лик.

И я в глаза твои гляжу
и тихо говорю: «Бонжур».
В ответ летит: «Бонжур, мадам», –
но слепо смотрит Нотр-Дам

на нас. На всех. За веком век
он смотрит, не смыкая век,
как смотрит дальняя звезда
на пыль людскую сквозь года.

Что это? – Красоты гипноз?
Париж, ты трогаешь до слёз.
Но что тебе моя слеза.
Слепы прекрасного глаза.

Меня, поди, не разглядишь,
Париж... Над временем паришь...
Но над бульварами, над рю
и я когда-то воспарю!

LAKE GEORGE

Ни бабочки, ни птицы экзотичные,
ни моря бирюза, ни стройность пальм
не успокоят сердца истеричного,
и роскошью не вылечит Версаль.

Прикрыл глаза усталыми ресницами,
не в силах приподнять тяжелых век,
какими-то назойливыми лицами
потерянный измучен человек.

Но среди гор лежит полоска озера,
оно – родня умеренных широт.
Вблизи него кончается коррозия
душевная. В ладонь свою берёт,

творя массаж, его вода целебная,
сосновым воздухом весь полон лес.
Не злое солнце светит, а волшебное,
а ночью звёзды падают с небес.

Там свежесть бьёт из ледяных источников,
а по утрам и вечерам – роса.
Прохладной ночью там на полуночников
покой течёт в больные их глаза.

И в лад с природой зазвучит мелодия
внутри, в груди. И вдруг охватит дрожь:
далёкую напоминает родину
то озеро с чужим названием George.

* * *

Испания, Мадрид, Толедо,
кривые линии, изгибы,
земля, где начинались беды,
изгнание, ненависть и гибель.

А может там ещё, в Севилье,
среди крови и песка корриды
произросли и гнезда свили
мои пристрастия и либидо.

О как могло её фламенко
проникнуть в кровь мою и жилы?
А у виска трепещет венка –
здесь, знаю, предки наши жили.

Еще до всяких унижений
Альфонсо был пленен Ракелью,
но инквизиторское рвенье
тогда не проникало в кельи.

И я хочу туда, в Толедо,
где население – восемь тысяч,
там жить, мечтать, любить и кредо
на стенах тех чудесных высечь,

что вся Испанская баллада
была любви моей истоком.
Но высохла её отрада
в веках угрюмых и жестоких.

И этот пыл наш иудейский
ушел, как кровь, в песок бесплодный,
а мной любимых европейцев
меня терзает взгляд холодный.

Но не исчезнут, не истают
песчаные черты Толедо,
ведь достигается не сталью
над временем его победа.

* * *

Вот и кончилась страна Неспания,
Мысли успокоились и лексика.
Глаз легко коснулось засыпание –
Горяча, но милостива Мексика.

Не прельстишься карлицами Мексики,
Все они без шеи и без талии.
Спи спокойно без вина и секса там,
Береги всё это для Италии.

Перестанут мучать злость и мания,
От тебя они сбегут, бессонного,
В мрачную готичную Германию,
В древнюю туманную Саксонию.

Все тебе неведомое, чуждое
Выжжет навсегда протуберанцами.
Спи спокойно, переспи ненужное
И проснись в изящной милой Франции.

Отдохни в тропической идиллии,
Отоспись у ласкового берега.
Отошли в Россию всё бессилие,
С новой силой пробудись в Америке.

СИНЕ-БЕЛОЕ

Греция стелит свои пространства,
вот где и впасть бы в подобие транс.
Солнце так ярко горит апельсином,
парус на море, белый на синем.

Радуйся, раз ты пока живая!
– Рана болит ещё ножевая ? –
– Эх, как же много живым вам нужно! –
ласковый ветер резвится южный.

Что ж, человек, существо ты такое –
редко впадаешь в чувство покоя.
Мало тебе этой щедрости моря?
Бури боишься, помнишь о горе?

Перепиши нашу память, море!
Мы подчинимся тебе, не споря.
Будем довольны своим уделом –
белым на синем, синим на белом.

* * *

На выезде из Дельф направо есть Парнас,
лишь из окна авто ты на него глазеешь.

Такой он неприступный, не всякий скалолаз
на гору ту взойдет, своей рискуя шей.

Робеет альпинист, хоть раньше много раз
он покорял легко подобные вершины,
поэтому когда-то был выдуман Пегас,
крылатый белый конь, а не автомашина.

Конь на Парнас взлетит, забудёт Кастальский ключ
там, где он просто так стучит своим копытом.
Зачем тут альпинистам преодоление круч,
когда волшебный конь в таких делах испытан.

А ты вообще никто. Шуруй в своём авто,
мимо Парнаса дуй и не мешай движенью.
Пегас твой не крылат, а серый конь в пальто,
мимо Парнаса мчит без слёз, без вдохновенья...

Дарья Бонет. Владик.
Холст, акрил, 40X50.